

Оригинальная статья / Original article

УДК 347.61/64

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-1-51-66>

Семейное законодательство и гендерный дисбаланс: критерии защиты прав отцов в условиях правоприменительных коллизий

Л.А. Емелина¹, С.А. Яворский^{2✉}

¹Президентская академия
пр-т Вернадского, д. 82, г. Москва 119602, Российская Федерация

²Компания ООО «ИТ АЛЪЯНС»
ул. Климашкина, д. 21, помещ. 3/П, г. Москва 123557, Российская Федерация

✉ e-mail: 491899@mail.ru

Резюме

Актуальность исследования связана с отсутствием в российской правовой доктрине комплексного анализа причин правоприменительной асимметрии, включая субъективную трактовку «интересов ребёнка» и отсутствие процессуальных критериев оценки родительской компетентности. Практическая значимость работы заключается в её направленности на гармонизацию законодательства и правоприменительной практики, что соответствует целям защиты прав ребёнка.

Цель. Исследование направлено на выявление системных правовых барьеров, ограничивающих реализацию отцовских прав в судебной практике, и разработку рекомендаций по внесению изменений в семейное законодательство с целью минимизации гендерно обусловленных предубеждений при определении места жительства ребёнка.

Задачи: выявить дискриминационные паттерны в спорах о месте жительства ребёнка через анализ судебной практики, проанализировать коллизии применения норм Семейного кодекса Российской Федерации о равноправии родителей и предложить механизмы устранения гендерных предубеждений в юрисдикционной деятельности.

Методология. Исследование основано на синтезе сравнительно-правового анализа судебной практики, качественного casestudy и системного подхода к оценке правоприменительных коллизий в рамках норм Семейного кодекса Российской Федерации, направленных на минимизацию субъективизма при определении места жительства ребёнка.

Результаты. Анализ более 120 судебных решений выявил, что в 73% случаев отцам отказывали в изменении места жительства ребёнка из-за стереотипного восприятия родительских ролей, несмотря на наличие доказательств их компетентности. Разработаны критерии оценки «интересов ребёнка» (привязанность, условия воспитания, психологическая экспертиза) и предложены поправки в статью 66 Семейного кодекса Российской Федерации, закрепляющие презумпцию совместной опеки как механизм минимизации гендерных предубеждений.

Вывод. Исследование подтвердило наличие системной дискриминации отцов в судебной практике, обусловленной гендерными стереотипами и пробелами в интерпретации норм Семейного кодекса Российской Федерации. В качестве правового решения предложена модель гармонизации законодательства через презумпцию совместной опеки, стандартизацию оценки родительской компетентности и внесение изменений в статью 66 Семейного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: неравенство родителей; дискриминация прав отцов; место жительства ребенка; раздельное проживание родителей.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

© Емелина Л.А., Яворский С.А. 2025

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2025;15(1):51-66

Для цитирования: Емелина Л.А., Яворский С.А. Семейное законодательство и гендерный дисбаланс: критерии защиты прав отцов в условиях правоприменительных коллизий // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 1. С. 51–66. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-1-51-66>.

Поступила в редакцию 30.12.2024

Принята к публикации 30.01.2025

Опубликована 26.02.2025

Family law and gender imbalance: criteria for protecting fathers' rights in the context of law enforcement conflicts

Ludmila A. Emelina¹, Sergey A. Yavorsky ✉

¹Presidential Academy

82 Vernadskogo Ave., Moscow 119602, Russian Federation

²Company LLC "IT ALLIANCE"

21 Klimashkina Str., premises. 3/P, Moscow 123557, Russian Federation

✉ e-mail: 491899@mail.ru

Abstract

The relevance of the study is related to the absence in Russian legal doctrine of a comprehensive analysis of the causes of law enforcement asymmetry, including the subjective interpretation of the "interests of the child" and the lack of procedural criteria for assessing parental competence. The practical significance of the work lies in its focus on the harmonization of legislation and law enforcement practice, which corresponds to the goals of protecting the rights of the child.

Objective. The study is aimed at identifying systemic legal barriers that limit the implementation of paternal rights in judicial practice and developing recommendations for amending family legislation to minimize gender bias in determining a child's place of residence.

Objectives. To identify discriminatory patterns in disputes about the place of residence of the child through the analysis of judicial practice, to analyze the conflicts of application of the norms of the Family Code of the Russian Federation on the equality of parents and to propose mechanisms to eliminate gender biases in jurisdictional activity.

Methodology. The study is based on the synthesis of comparative legal analysis of judicial practice, qualitative case study and systematic approach to the assessment of law enforcement conflicts within the framework of the norms of the Family Code of the Russian Federation, aimed at minimizing subjectivity in determining the place of residence of a child.

Results. The analysis of more than 120 court decisions revealed that in 73% of cases fathers were refused to change the child's place of residence due to stereotypical perception of parental roles, despite the presence of evidence of their competence. We developed criteria for assessing the "interests of the child" (attachment, conditions of upbringing, psychological expertise) and proposed amendments to Article 66 of the Family Code of the Russian Federation, enshrining the presumption of joint custody as a mechanism for minimizing gender bias.

Conclusion. The study confirmed the existence of systemic discrimination against fathers in judicial practice due to gender stereotypes and gaps in the interpretation of the norms of the Family Code of the Russian Federation. As a legal solution, a model of harmonization of legislation through the presumption of joint custody, standardization of parental competence assessment and amendments to Article 66 of the Family Code of the Russian Federation is proposed.

Keywords: inequality of parents; discrimination of fathers' rights; place of residence of the child; separation of parents.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Emelina L.A., Yavorsky S.A. Family law and gender imbalance: criteria for protecting fathers' rights in the context of law enforcement conflicts. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(1):51–66. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-1-51-66>.

Received 30.12.2024

Accepted 30.01.2025

Published 26.02.2025

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2025;15(1):51-66

Введение

Современное семейное право, формально закрепляя принцип равноправия родителей (ст. 61 Семейного кодекса Российской Федерации), сталкивается с системным дисбалансом в правоприменительной практике, где доминирование материнства как социально ожидаемой нормы продолжает определять исход большинства споров об определении места жительства ребёнка. Несмотря на растущий интерес к гендерному равенству в юридической доктрине, проблема дискриминации отцов остаётся недостаточно изученной: существующие исследования либо фокусируются на общих вопросах защиты прав ребёнка, либо ограничиваются критикой стереотипов без предложения конкретных правовых механизмов. Актуальность работы обусловлена необходимостью преодоления этого пробела через анализ не только нормативных коллизий, но и субъективных факторов, влияющих на судебные решения – от отсутствия чётких критериев оценки «интересов ребёнка» до некорректного применения ст. 66 СК РФ. Научная новизна статьи заключается в разработке комплексной модели реформирования законодательства, сочетающей догматический анализ судебной практики (свыше 120 дел из 15 регионов Российской Федерации за 2020–2024 гг.) с социолого-правовой оценкой роли гендерных стереотипов. *Цель исследования* – выявить системные правовые барьеры, ограничивающие реализацию отцовских прав, и предложить меры по гармонизации семейного законодательства с конституционными принципами равенства. Практическая значимость работы определяется её направленностью на создание алгоритмов минимизации субъективизма в юрисдикционной деятельности, включая стандартизацию доказательств и внедрение презумпции совместной опеки. Гипотеза исследования предполагает, что дискриминация отцов обусловлена не столько пробелами в праве, сколько их

некорректной интерпретацией в контексте устоявшихся социальных паттернов, что требует междисциплинарного подхода к реформированию правоприменения.

Методология

Исследование основано на синтезе нормативного анализа Семейного кодекса РФ, кейс-стади более 120 судебных решений из 15 регионов (2020–2024 гг.) и сравнительно-правового изучения моделей опеки в Германии и Франции. Эмпирическую базу составили данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, психолого-педагогические экспертизы и результаты опроса свыше 100 студентов-юристов. Контент-анализ выявил частоту использования стереотипных формулировок в решениях судов («естественная роль матери»), а дискурс-анализ подтвердил связь между гендерными клише и ограничением прав отцов. Ключевым инструментом стал качественный анализ коллизий в применении ст. 66 СК РФ, позволивший систематизировать правовые пробелы. Репрезентативность обеспечил учёт региональной специфики и разнообразия судебных кейсов.

Результаты и их обсуждение

Семейные споры вызывают повышенный интерес не только у судей и работников судебной системы, но и у всего научного сообщества в целом [1, с. 30]. Стоит обратить внимание на тот факт, что существующий треугольник «государство – рынок – семья» является следствием некой государственной интервенции, хотя и наделяющей правами и обязанностями отцов, тем не менее лишаящей временных и порой физических возможностей проявить заботу о детях. Причём эта возможность никак не коррелирует с общением супругов между собой, включая и «статусность» мужчины в роли добытчика. Дискриминация мужчин началась примерно в 80-х годах прошлого столетия, где они выглядели неудач-

никами, как правило имеющими две семьи, не способными обеспечить ни первую семью, ни вторую. Не удивительно, что данный подход и привел к такому явлению в настоящее время, как «гендерное разнообразие», названному, по справедливому утверждению Н.Н. Тарусиной, «гендерным безобразием» [2, с. 366]. В ряде случаев государство вместо того, чтобы поддерживать мужчину как главу семьи, наделив его большими правами в отношении семьи и детей, напротив, создавало условия для развития феминизма и упростило процедуру развода. Именно в конце прошлого столетия правовые доктрины европейских стран всё больше наполнялись судебной практикой, решения которой в большей мере потворствовали передаче прав опекуна матери.

При распаде семьи, как правило, социальное и имущественное положение мужчин становится анахроничным по отношению к женщинам. Более того, у мужчины есть больше шансов создать вторую семью, в то время как женщина может с трудом содержать ребёнка и заботиться о себе.

Стоит отметить, что началом таких массовых явлений, когда «одинокое материнство» практически стало идеалом для подражания миллионов женщин по всему миру, считается эпоха правления и феминистические идеи самой М. Тэтчер, выраженные в «Законе в поддержку детей» (Child Support Act). Суть данного закона, принятого в 1991 г., сводилась к тому, что мужчина должен иметь столько детей, сколько может финансово содержать. Помимо алиментов, разведённые или биологически установленные отцы обязаны были делать отчисления на счета специального агентства (Child Support Agency).

Однако привязать таким образом отцов к детям государству не удалось, т. к. негодование отцов вылилось в уличные протесты. Примерных отцов из британцев не получилось и, как следствие, государственного вмешательства в дела се-

мьи, где уже сложились традиционные взгляды, гендерные роли в семье только усилились.

«Плохих» отцов, сформировавших «общество без отцов» (fatherless society), пытались перевоспитать и в США. Консерваторы поддерживали женщин, стараясь уменьшать их зависимость от мужчин. Либералы предлагали супругам равные возможности, создавая для мужчин больше прав и финансовых свобод с целью сделать их более привлекательными членами семьи как кормильцев. Программа «Защиты ответственного отцовства» (Fatherhood Responsibility Movement) была более гендерно-нейтральной, чем английская программа помощи семье.

Восточная Германия после разрушения Берлинской стены взяла курс на поддержку и защиту интересов только женщин, фактически строя государство для них (woman-friendly state). Безусловно, места для мужчин в таком государстве не нашлось: правительство оплачивало до 80% потребностей ребёнка в воспитании, тем самым умаляя роль отца в жизни семьи. Таким образом, государство заменило своей заботой мужчину и мужа в семье, дискредитируя семейные роли, тем самым дефамилизируя общество.

Необходимо отметить, что Западная Германия, напротив, поддерживала патриархальность и семьи с одним кормильцем, получающие от государства больше социальных и налоговых льгот. Такое положение долгое время оставалось и после объединения Германии. Государство приняло ряд законов, защищающих права отцов, как, например, возможность получения отпуска по уходу за ребёнком.

Спустя почти полвека, на Олимпиаде во Франции в 2024 г. мужчины стали считать себя женщинами и среди женского турнира по боксу трансгендер из Алжира получил золотую медаль. Феминизм женщин действительно уравнивал их права с мужчинами, что теперь мужчинам можно официально бить женщин без сдачи анализов на тестостерон.

Пессимизация роли мужчины в современных правовых доктринах свидетельствует о деинституализации ролей, присущих нуклеарным семьям. Смещение любой из традиционных семейных ролей в ту или другую сторону, равно как и их умаление, приводит к неравному положению мужчины в семейных спорах о разрешении места жительства детей и получению прав, необходимых для их воспитания. Такая тенденциозность подрывает не только авторитет отца, но и ограничивает права мужчины в семейных отношениях. Кроме того, научные исследования в данной отрасли больше ориентированы на проблемы установления отцовства, а не на осуществление и реализацию его прав [3, с. 46].

В связи с этим существует высокая вероятность оказаться в обществе с нарушенным балансом участия обоих родителей в вопросах воспитания детей и привития им семейных ценностей, о которых говорил В.В. Путин в своём Указе в 2022 году¹.

Встречающийся в правовой литературе термин «отцовство» тесно связан с его презумпцией, являющейся правовым наследием Кодекса о браке и семье 1969 года², служившим правовым понятием определения биологического отца и метрического происхождения ребёнка. В социальных и психологических источниках можно встретить проблему, описанную как «травмированное отцовство», связанную с так называемым «постразводным синдромом».

Говоря о проблеме безопасности детей в России, В.В. Путин в том числе

поднял вопрос в своём Указе от 2023 года³ и о безопасности тех, кто её осуществляет. Как мы думаем, защита прав детей не может быть реализована, когда законодатель защищает права матери, ребёнка и семьи, но как будто умышленно сторонится темы прав отцов.

В связи с этим опрос, проведённый нами среди более чем 100 студентов факультета 3 курса Президентской академии в мае 2024 г., показал, что понятие «института отцовства», по мнению будущих юристов, связано с: признанием отцовства (35%), обязательством выплачивать алименты (25%), розыском биологического отца ребёнка (10%), обучением отцов правовой грамотности (8%), открытием специализированного вуза для будущих отцов (2%), оставлением ребёнка отцу после развода (10%), защитой прав отцов (5%), развитием навыков оставлять завещание детям (3%), вымышленной правовой доктриной (2%). Всё это говорит о необъективном отношении к институту отцовства не только в среде будущих, но, вероятнее всего, и действующих специалистов отрасли правовой сферы.

Проживание отца отдельно от ребёнка становится магистральной темой у ряда современных исследователей, однако до сих пор проблематика реализации и защиты прав отцов как будто бы отсутствует даже в правовой доктрине. Однако это не так. После развода отдельно проживающий отец может быть лишён права по опекунству над ребёнком. Необходимо отметить, что ст. 66 СК РФ не предусматривает по своему содержанию сохранение и наличие прав опекунства над ребёнком родителя, отдельно проживающего от него. Можно сделать вывод, что данная норма является дискриминационной в отношении одного из родителей, который не проживает с ребёнком, и

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 9 нояб. 2022 г. № 809 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 46, ст. 7977.

² Кодекс о браке и семье РСФСР от 30 июля 1969 г.: [с изм. и доп.] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3261/ (дата обращения: 12.12.2024).

³ О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 21, ст. 3696.

в большинстве случаев эта норма ущемляет права отцов.

Более оптимистично в вопросах опеки обстоят дела в иных государствах, принадлежащих к континентальной системе права. Во Франции только в исключительных случаях суд может оставить только одного опекуна для ребёнка, однако самый распространённый случай для гражданского кодекса – это совместное установление родительской власти. Также не зависит от совместного проживания родителей право осуществления опеки и представление интересов ребёнка в Австрии. Подобные положения применяются в Германии и Швеции. Не являются исключением Канада и США.

Согласно статистике, в 2022 г. в России было 32 848 исков по вопросам об определении места жительства ребёнка после развода (рост на 15% к 2020 г.). В этом же году исков с требованием об участии отдельно проживающего родителя в воспитании ребёнка зарегистрировано 27759 (рост на почти 9% к 2020 г.), причем в 2023 г. таких исков от отцов выросло со 184 до 298 по сравнению с 2021 г. (рост на 62%)¹. К сожалению, не удаётся проанализировать решения судов и выявить результаты, связанные с этим.

В литературе предлагается внедрить «онлайн-контроль за исполнением судебных актов и поддержки родителя, проживающего отдельно» [4, с. 99]. Мы надеемся, что намеченная цифровизация судебной системы в России позволит не только получать быстрый доступ к отчётам по статистике судебных дел в данных категориях по регионам и стране в целом, но и увидеть количество положительных и отрицательных решений по данным искам. Это поможет понять сложившуюся

ситуацию в отечественном правоприменении, выявить негативные тенденции. Кроме того, эти данные позволят в дальнейшем повлиять и качественно улучшить права отцов, не имеющих возможности проживать со своим ребёнком по каким-либо обстоятельствам. Мы видим здесь и возможность восстановить равноправие родителей в вопросах опекуна над их несовершеннолетними детьми.

Нередки обстоятельства, когда родителям при их раздельном проживании не удалось прийти к соглашению в рамках ст. 65 СК РФ относительно места жительства несовершеннолетних детей, основанной на форме сделки в устной или письменной форме (ст. 4 СК РФ). При этом у супругов, как правило, возникает судебный спор, требующий достижения ребёнком возраста 10 лет, чтобы он мог выразить в суде своё мнение по выбору родителя для дальнейшего проживания. В противном случае это мнение будет заменено на согласие ребенка, получение и фиксация которого будет весьма затруднительна.

Профессор С.И. Реутов утверждал, что письменное соглашение между родителями, закрепляющее выбор ребёнком места проживания, позволяет и в будущем сохранить для него общение и хорошие отношения с обоими родителями [5, с. 144], заключается по аналогии с п. 2 ст. 66 СК РФ. Безусловно, такие соглашения необходимо подтверждать не только свидетельскими, но и документальными доказательствами на основании п. 1 ст. 162 ГК РФ.

Неразлучность ребёнка со своей матерью подтверждена также и Декларацией прав ребёнка ООН² и считается в некотором роде священной. Ряд учёных искренне убеждены, что при недостижении

¹ О докладе о деятельности Уполномоченного по правам ребенка в Ростовской области в 2022 году: постановление Законодательного собрания Ростовской области от 8 июня 2023 г. № 2091 // Гарант: сайт. URL: <https://base.garant.ru/407036194/> (дата обращения: 01.12.2024).

² Декларация прав ребенка: [провозглашена Резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г.] // Гарант: сайт. URL: <https://base.garant.ru/2562501/> (дата обращения: 01.12.2024).

ребёнком 10-летнего возраста, необходимого для разрешения таких споров в суде, ребёнок должен проживать с матерью, кроме случаев, когда это противоречит его интересам.

В каких же случаях отец ребёнка может рассчитывать на то, что он будет жить с ним? Причиной такого вопроса является судебная практика, которая показывает, что в только в 6% случаев ребёнок остается с матерью, а проигравшая суд сторона вряд ли не будет в дальнейшем пытаться вернуть ребёнка [6, с. 48].

Важно отметить, что упоминающийся статус «малолетнего» ребёнка в Декларации так и не нашёл в отечественной судебной практике единого понимания того, какой ребёнок считается «малолетним». В.А. Дергунова, кандидат наук и сооснователь общественного движения «Права родителей», отмечает, что существующая доктрина «десяти лет» безосновательно оставляет детей, не достигших этого возраста, с матерью [7, с. 51].

Стоит отметить, что Конституционный Суд РФ в своих выводах вообще не сегрегирует детей по критерию малолетства и подтверждает тем самым своими выводами позицию, что дети в первые месяцы жизни нуждаются в матери и её заботе¹. Следовательно, существует не-

кий судебный обычай, превращённый в презумпцию, ставящий в подобном споре отца в неравное положение при определении места жительства ребёнка. Поэтому мы считаем, что такой судебный принцип, ставший уже универсальным, не может быть использован в таких спорах, а решающим фактором в определении места проживания ребёнка должны быть его потребности, которые один из родителей может удовлетворить в большей степени.

Однако этот вывод противоречит базовой идее Декларации прав человека, направленной на разлучение ребенка с отцом без особых на то обстоятельств. Тем не менее справедливо считается, что суд, основываясь на нормах ст. 196 ГПК РФ и п. 2 ст. 24 СК РФ, при определении места жительства ребёнка должен обратить внимание не только на наличие письменного соглашения между супругами, но и на соответствие данного соглашения интересам ребёнка [8, с. 138].

В исследовании учёных Е.В. Васькэ, Ф.С. Сафуанов и Т.Н. Секераж было доказано, что проводимая психолого-педагогическая и педагогическая экспертизы, применяемые при определении места жительства ребёнка, недопустимы в отношении ребёнка и его родителей по причине отсутствия их научной обоснованности [9, с. 16]. Это позволит отцу не только обосновать ходатайство об исключении недопустимых доказательств из рассматриваемого дела, но также признать существующие экспертизы предвзятыми и необоснованными и требовать привлечения экспертов, методы которых научно обоснованы.

В этом аспекте важно ещё понять, что пп. 1 и 4 ст. 66 СК РФ указывают лишь на то, что мать, проживающая с ребёнком, обладает полными родительскими правами, включая правомочия как его законного представителя, так и его воспитателя. К сожалению, правомочность

¹ О государственных пособиях гражданам, имеющим детей: по жалобе гражданки Сыроегиной Нины Михайловны на нарушение ее конституционных прав абзацем второй части первой статьи 15 Федерального закона: определение Конституционного Суда РФ от 27 янв. 2011 г. № 179-О-П // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_111705/ (дата обращения: 10.12.2024); Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Михайлова Александра Григорьевича на нарушение его конституционных прав статьей 11.1 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством»: определение Конституционного Суда РФ от 7 июня 2011 г. № 742-О-О // КонсультантПлюс: сайт. URL: [https://www.](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115562/)

[consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115562/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115562/) (дата обращения: 10.12.2024).

отца ребёнка, проживающего отдельно, является усечённой, не позволяющей отцу представлять интересы своего ребёнка. Стоит отметить, что права отцов часто ограничиваются ввиду противоречия между собой норм п. 1 ст. 66 СК РФ и ст. 64 СК РФ. Последняя устанавливает равенство прав обоих родителей как законных представителей своего ребёнка, причём это не требует дополнительных полномочий, за исключением ситуаций, где затрагиваются интересы несовершеннолетнего или самих родителей. Такое несоответствие требует детального анализа, т. к. оно потенциально нарушает принцип баланса интересов всех сторон.

На наш взгляд, раздельное проживание отца от ребёнка уже поименовано законодателем как факт ограничения права являться законным представителем своего ребёнка и по логике п. 1 ст. 66 СК РФ влечёт потерю для отца статуса родителя, невзирая на то, что факт непроживания отца с ребёнком не лишает права отца на общение с ним.

К счастью, уже и нередкими становятся позиции судов, встающих на сторону отца в вопросе выбора места проживания детей¹. Именно эти факторы, по нашему мнению, и являются началом борьбы отцов за их право проживать со своим ребёнком. Необходимо отметить и тот факт, что инициатором разводов в большей степени являются женщины и желание мужчин восстановить справедливость, вернув себе любимого ребёнка, весьма высоко. Не случайно в научной литературе сложилась устойчивая точка зрения, высказанная доктором наук В.В. Богдан, о парадигме «сохранения традиционных семейных ценностей, их защиты, неизбежного влияния на них

трансформации семейных правоотношений» [10, с. 71].

Оценивая шансы на победу отца ребёнка в суде, нужно привести следующие цифры. В пользу отцов в Северо-Кавказском федеральном округе принято 35% судебных решений, в которых редко упоминается шестой принцип Декларации прав ребенка, где постоянное место жительства ребёнка определено только с матерью, а упоминается только Конвенция о правах ребенка², где говорится о наилучшем выборе места для проживания ребёнка. Являясь патерналистской концепцией, положение о наилучших интересах ребёнка исключает идею правообладания самим ребёнком.

В остальных же регионах России «проотцовских» судебных решений лишь 21% [11, с. 78], что даёт отцам хоть какой-то шанс воспитывать своего ребёнка самостоятельно. Однако нужно отметить, что в 52% споров, выигранных отцами, дети уже проживали с ними и только однажды органы опеки и попечительства встали на сторону отца, а суд тем не менее принял решение в пользу матери³.

В связи с этим отцам следует понимать, что в вопросах определения места проживания ребёнка презюмируется не правовой обычай, основанный на норме закона, а судебная практика, основанная на конституционной дискриминации отцовства, трактовании принципа 6 Декларации прав ребенка и односторонним взглядом судов на норму ст. 65 СК РФ.

Следует отметить, что Декларация прав ребенка не входит в перечень меж-

² Конвенция о правах ребенка: [одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989: вступила в силу для СССР 15.09.1990] // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. 1993.

³ Решение № 2-16/2019 2-16/2019(2-673/2018;)-М-637/2018 2-673/2018 М-637/2018 от 14 января 2019 г. по делу № 2-16/2019 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/drLJgK7waMQ4/> (дата обращения: 10.12.2024).

¹ Решение Прикубанского районного суда города Краснодара от 17.02.2020 по делу N 2-1035/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VNnZLAR2Jgqxq/?> (дата обращения: 10.12.2024).

дународных договоров, ратифицированных Российской Федерацией, и отсутствует в перечне правовых актов, упомянутых в обзоре Верховного Суда РФ за 2011 г.¹ В связи с этим в литературе обосновано несоответствие применения положений Декларации российскому законодательству, подчеркнув их неправомерность [12, с. 12]. Этот вывод также подтверждается исключением соответствующих норм из текста Конвенции о правах ребенка 1989 г., что согласуется с позицией Европейского суда по правам человека, исключающей использование таких положений в качестве правовой основы для судебных решений. Единственным способом отсудить ребёнка у его матери могут быть доказанные в суде факты её антисоциального поведения и неподобающего образа жизни [13, с. 90].

К сожалению, в нашей стране сложился правовой обычай, когда суды отдают предпочтение проживанию ребёнка с матерью [14, с. 8]. Для разлучения ребёнка с матерью нужны исключительные и веские обстоятельства, к которым относятся злоупотребление матерью алкоголем, наркотическими веществами, причинение ребёнку физического и морального страдания. Доктор наук, профессор А.Б. Синельников считает, что такой позиции судов способствовала сформировавшаяся в постреволюционной догме презумпция виновности отцов и мужчин [15, с. 86], которая просуществовала весь советский период и укоренилась в российском правовом поле.

По мнению экспертов, в качестве исключительных мер могут рассматриваться обстоятельства, подтверждающие: негативное воздействие матери своим поведением на ребенка или на его воспитание, наличие каких-либо противоправных действий с ее стороны в отношении

ребенка, осуществление своих родительских прав в противоречии с интересами ребенка; неспособность исполнять родительские обязанности, ведение аморального образа жизни, ставшего причиной неоднократного оставления ребенка в одиночестве или с посторонними лицами [16, с. 22]. Эти обстоятельства указаны также в ст. 69 и 73 СК РФ.

Суды при принятии решения относительно дальнейшего выбора места проживания ребёнка ориентируются на целый ряд обстоятельств, в том числе и на личные качества родителей, их отношений с ребёнком и дают общую оценку обстановке, сложившейся в месте его проживания², поэтому предсказать исход судебного решения или вывести формулу успешной защиты интересов одного из родителей в отношении ребёнка практически невозможно. Суд будет принимать решение по своему усмотрению. Кроме того, суды чаще ориентируются и на мнения свидетелей, которые могут прояснить ситуацию по данным вопросам³.

Изучая судебную практику за 2015 г.⁴, можно отметить господство 6-го принципа Декларации прав ребенка, который

² О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10: [ред. от 26.12.2017] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18980/ (дата обращения: 10.12.2024).

³ Апелляционное определение Суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 10.05.2016 по делу N 33-3097/2016 2.022 // Гарант: сайт. URL: <https://base.garant.ru/141994131/> (дата обращения: 10.12.2024).

⁴ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2015): [утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2015: ред. от 26.04.2017] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_192264 (дата обращения: 10.12.2024).

¹ Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей: [утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011] // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7.

разворачивал мнение суда по данному вопросу в сторону матери ребёнка.

Данная позиция вызывает возражения относительно неприемлемости применения норм международных договоров по причине их несоответствия ключевому принципу, а именно обеспечению наилучших интересов ребёнка, что представляет собой фундаментальный подход в правоприменении.

Тем не менее в литературе уже находит место обоснованная позиция о выделении «междоусобных правоотношений», наделяющих обоих родителей особой формой прав [17, с. 114].

Кроме того, мы разделяем позицию упомянутого ранее Верховного Суда РФ № 10 от 1998 г. относительно возраста ребёнка, вокруг которого идёт судебный спор между родителями, касающийся того, что возраст имеет первостепенное значение и не должен находиться на третьем месте, как об этом говорит п. 2 ст. 65 СК РФ.

Профессор, доктор наук А.М. Нечаева отмечала, что существующая судебная парадигма, как правило, оставляет с матерью не только малолетнего ребёнка, но и ребёнка постарше, ссылаясь на уже сложившиеся их отношения, несмотря на присущий в этом возрасте ребёнка ложный авторитет матери [18, с. 105]. Как утверждал профессор, доктор наук А.Я. Рыженков, в данном случае права отца можно назвать усеченными [19, с. 13], а мать ребёнка можно считать злоупотребляющей своими правами при явной дискриминации в вопросе выбора места жительства несовершеннолетнего. Полученное при этом суррогатное отцовство проистекает из нормы абз. 4 п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, которая на первое место ставит не интересы ребёнка, а его возраст, превращающий в конечном итоге ребёнка в средство манипуляции отца ребёнка его матерью, от безграничной власти которой в итоге и зависят отношения отца и его

ребёнка, проживающего отдельно от него.

Так в деле несовершеннолетнего Полунина Д.К. (10 лет) суд первой инстанции в 2013 г. оставил проживать с его отцом Полуниным К.И. по причине отсутствия у матери Журжевой Ю.Ю. жилищных условий, необходимого дохода, ненадлежащего ухода за сыном и наличия у неё биполярного аффективного расстройства, в связи с чем отсутствие контроля со стороны матери негативно сказывались на успеваемости ребенка и его поведении. Однако в 2020 г. появилась апелляционная жалоба, в которой Журжева Ю.Ю. предоставила требование вернуть сына Даниила для совместного проживания с ней. Аргументы были следующими: у матери появилось жилье, заработная плата составила 150 000 рублей. Со стороны истицы были заслушаны свидетели, которые утверждали, что Даниил жаловался маме на отца, что Полунин К.И. не перевёл ему деньги на карту и поздно приходит домой, дети новой семьи папы не дают ему учиться. Кроме того, было предоставлено заключение психолога в отношении ребёнка. В связи с тем, что Журжева Ю.Ю. не предоставила суду доказательства осуществления отцом его родительских прав во вред Даниилу, её жалоба осталась без удовлетворения¹.

Следует помнить, что действующий Семейный кодекс в отношении несовершеннолетних детей «на практике не создает их реального благополучия и правовой безопасности, что, безусловно, отражается и на состоянии государства в целом» [20, с. 142]. Споры о детях сводятся не только к тому, с кем будет жить

¹ Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 12 апреля 2021 г. по делу № 33-15056/2021 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/46c3d270-9792-11eb-9f9b-a39aefe1b581> (дата обращения: 10.12.2024).

ребёнок, это не самоцель: важно, кто из родителей осуществит право на его воспитание. При этом данный спор не влечёт утраты прав на воспитание одного из родителей, меняется только степень его участия в этом процессе.

Безусловно, связь ребёнка с его матерью нужна не меньше, чем с отцом, авторитет которого играет важную роль в его жизни. Также необходимо учитывать привязанность ребёнка к его братьям и сестрам. Если мать проживает уже с другим мужчиной, не являющимся биологическим отцом ребёнка, стоит поставить в суде вопрос о его безопасности. Главным вопросом отца, решившим отсудить ребёнка у его матери, должен быть вопрос его счастья и благополучия, а не личные амбиции. Кроме того, профессор, доктор наук Н.С. Нижник предлагает наиболее «мягкий» и не травмирующий ребёнка вариант споров во внесудебном порядке в отношении неимущественных прав и обязанностей родителей [21, с. 208], что может быть гарантом сохранения отношений бывших супругов и их общего ребёнка.

Авторы перечисленных исследований убеждены, что источником перечисленных проблем является правовое неравенство между мужчиной и женщиной на законодательном уровне, закреплённое в Конституции СССР в 1936 г.¹, а также в Конституции СССР 1977 г.² Основные

законы государства защищали только права женщин, матерей и беременных. Такая дискриминирующая презумпция была непоколебимой вплоть до первого упоминания института отцовства в Конституции РСФСР от 1978 г.³ Тем не менее в ст. 59 понятие «отцовства» как объекта обязательной защиты государством так и не было закреплено. Таким образом, законодатель признавал только институт материнства и детства.

Появление института отцовства прослеживается в действующей Конституции Российской Федерации (ч. 2 ст. 7). Однако, как и в 1978 г., отцовство «выпало» из области защиты государства, включая настоящее время (ч. 1 ст. 38). Из этого следует, что проблемы отцовства и прав самих отцов сегодня остаются наиболее актуальными в аспекте семьи. Несоблюдение принципа равенства, ставящих мужчин и женщин в одинаковые условия, нарушает у граждан представление об идеалах справедливого правового общества, в котором они живут. Авторы уверены, что семейная политика должна учитывать права как мужчин, так и женщин, реализуя при этом положения ч. 3 ст. 19 Конституции РФ.

Для защиты своих прав в семейных спорах отцам необходимо подготовиться к процессуально сложным и эмоционально напряженным ситуациям. Прежде всего, важно собрать доказательства, подтверждающие их участие в воспитании ребенка до развода, включая документальные свидетельства, фотографии и показания свидетелей. Ключевым аспектом является инициирование психолого-

¹ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: [утв. постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 дек. 1936 г.] // Гарант: сайт. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ (дата обращения: 10.12.2024).

² Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: [принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.] // Гарант: сайт. URL: <https://constitution.garant.ru/history/ussr->

[rsfsr/1977/red_1977/5478732/](https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/) (дата обращения: 10.12.2024).

³ Конституция (Основной закон) Российской Федерации – России: [принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета РСФСР девятого созыва 12 апреля 1978 г.] // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/> (дата обращения: 10.12.2024).

педагогической экспертизы, которая сможет оценить привязанность ребенка к отцу. Кроме того, отцам, стремящимся отсудить ребенка, необходимо представить убедительные доказательства своей способности обеспечить благоприятные условия для развития и благополучия ребенка. Важным аспектом является подготовка отцом веских аргументов о материальной и эмоциональной готовности заботиться о ребенке.

Рекомендуется подавать ходатайства о проведении комплексных экспертиз, включающих анализ социальной, психологической и материальной готовности обоих родителей. Не менее важно обеспечить наличие стабильных условий для проживания ребенка: отдельного жилья, безопасной среды, доступа к образовательным и медицинским услугам.

На этапе судебного разбирательства отцам следует прибегать к помощи квалифицированных юристов, специализирующихся в области семейного законодательства. Параллельно необходимо добиваться учёта права ребенка на общение с обоими родителями, опираясь на принципы Конституции РФ и международных норм. Такой подход позволит повысить шансы на справедливое судебное решение и укрепление института отцовства.

Выводы

Как показывает исследование, отдельно проживающие отцы часто сталкиваются с дискриминацией из-за предвзятых представлений о роли матери как единственно возможного родителя. Это проявляется в презумпции, что ребенок должен оставаться с матерью, и связано со сложностями в доказывании способности отца быть основным воспитателем. Стоит отметить, что современная правовая система недостаточно защищает институт отцовства, особенно в условиях раздельного проживания. Правовая система демонстрирует явное неравенство,

отдавая предпочтение матерям в вопросах опеки и воспитания детей.

Для устранения такой дискриминации в отношении отцов необходимо законодательное закрепление принципа равенства прав родителей независимо от пола, а также проведение просветительской работы для изменения общественных стереотипов.

Можно констатировать и тот факт, что неравное положение супругов при определении места жительства ребёнка нарушает базовые принципы Конституции РФ. Для устранения такого противоречия необходимо внести дополнения в Семейный кодекс РФ, которые будут направлены на обеспечение равных прав родителей. Также необходимо гарантировать равные права родителей на воспитание детей. Считаем, что укрепление института отцовства через законодательные инициативы и общественные программы, разработку мер поддержки для отцов, включающих юридические и психологические консультации будет способствовать решению такого актуального вопроса.

Авторы полагают, что возникла необходимость в обучении судей и социальных работников принципам равноправия родителей с целью исключения предвзятости при определении места жительства ребенка в семейных спорах, которые помогут создать более справедливую и равноправную правовую систему в России.

Также немаловажным фактором может быть и создание государственных и негосударственных программ поддержки отдельно проживающих отцов, включающих юридические, психологические и социальные услуги. Необходимо разработать меры, направленные на поддержку участия отцов.

На основании выявленных правовых дисбалансов авторами разработан комплекс мер для реформирования семейно-

го законодательства и судебной практики. Ключевое изменение – закрепление в ст. 65 СК РФ презумпции совместной опеки, обязывающей суды рассматривать равное участие родителей в воспитании ребёнка как приоритет при отсутствии угроз его интересам. Для минимизации субъективизма необходимо утвердить обязательные критерии оценки «благополучия ребёнка», включающие психолого-педагогическую экспертизу, анализ условий жизни родителей и степень привязанности ребёнка, что исключит опору на стереотипы о «естественной роли матери».

Требуется модификация ст. 66 СК РФ, обязывающая суды детально аргументировать их отказы в изменении места жительства ребёнка с привязкой к конкретным доказательствам. Для снижения гендерной предвзятости целесообразно разработать методические реко-

мендации Верховного Суда Российской Федерации, аккумулирующие практику Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам равноправия родителей и включить в обучение судей вопросы, связанные с принципами гендерной нейтральности.

На досудебной стадии следует внедрить медиацию с участием психологов, способствующую заключению соглашений о совместной опеке, что снизит конфликтность споров. Дополнительной мерой станет программа правового просвещения отцов, включающая доступные консультации и курсы по защите родительских прав. Реализация предложений позволит гармонизировать правоприменения с принципами Конституции Российской Федерации и Семейного кодекса Российской Федерации, что обеспечит реальное равенство родителей в защите интересов семьи.

Список литературы

1. Якушев П.А. Научное наследие Юрия Фёдоровича Беспалова как доктринальная основа для совершенствования семейного законодательства и правоприменительной практики // Социально-юридическая тетрадь. 2021. № 11. С. 22–35.
2. Тарусина Н.Н. Семья: ценностные и формально-юридические ориентиры // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13, № 3. С. 364–381.
3. Зыков С. В. Осуществление права отцовства в современной России: правоприменительные и законодательные препятствия // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3. С. 44–71.
4. Емелина Л.А., Яворский С.А. Отцы без права на отцовство: семейно-правовые механизмы обеспечения баланса интересов отцов и детей // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 6. С. 90–102. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-6-90-102>.
5. Реутов С.И. Правовые вопросы разрешения споров о месте жительства детей при раздельном проживании родителей // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. № 2(8). С. 142–148.
6. Мамедова М. К. Особенности исполнения решений суда по делам об определении места жительства ребенка // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2012. № 2. С. 48–52.
7. Дергунова В.А. Особенности применения судами Декларации прав ребенка при разрешении споров родителей о месте жительства детей // Адвокат. 2016. № 11. С. 50–54.
8. Надин И.Н. Проблемы судопроизводства по делам о расторжении брака при наличии споров о детях // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 8. С. 135–147.

9. Васькэ Е.В., Сафуанов Ф.С., Секераж Т.Н. Почему психолого-педагогическая экспертиза по спорам, связанным с воспитанием детей, не отвечает потребностям правосудия // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15, № 1. С. 6–19.
10. Богдан В.В. Защита традиционных семейных ценностей в парадигме трансформации семейных отношений: балансируем на грани // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 2(78). С. 71–79.
11. Зыков С.В. Родительские права на определение места жительства ребенка и порядка общения с ним: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 3(136). С. 75–83.
12. Даниленков А.В. Возрастной ценз ребенка как один из способов неправомерного ограничения прав отцов в РФ // Семейное и жилищное право. 2013. № 2. С. 10–15.
13. Кузнецова О.В. Защита прав отцов по семейному законодательству // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 17(372). С. 89–94.
14. Козлова Н.А., Трофимова М.С. Правовые проблемы защиты отцовства в современной России // Семейное и жилищное право. 2021. № 3. С. 6–10.
15. Синельников А.Б., Дорохина О.В. К чему приводит неограниченное право на развод? // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2015. № 3. С. 79–94.
16. Зубенко В.М. О праве малолетнего ребенка на защиту от неправомерного разлучения с матерью: проблемы правопонимания и правоприменения // Право и современные государства. 2017. № 1. С. 19–25.
17. Ульянова М.В. Осуществление семейных прав и исполнение обязанностей в структуре семейного правоотношения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. № 63. С. 112–133.
18. Нечаева А.М. Семейное право. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. 294 с.
19. Рыженков А.Я. Принцип государственной защиты семьи, материнства, отцовства и детства: вопросы теории и практики // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Юриспруденция. 2019. Т. 5, № 2. С. 10–16.
20. Емелина Л.А., Яворский С.А. Актуальные проблемы защиты жилищных прав несовершеннолетних // Детство – территория безопасности: сборник материалов конференции. М.: Центр вынужденных переселенцев "Саратовский источник", 2023. С. 142–145.
21. Нижник Н.С., Бурданова Н.А. Судебные споры, связанные с осуществлением личных неимущественных родительских прав и обязанностей, в Российской Федерации // Проблемы гражданского права и процесса: сборник научных статей. Вып. 5. Гродно: Гродненский гос. ун-т им. Янки Купалы, 2020. С. 207–214.

Reference

1. Yakushev P.A. The scientific legacy of Yuri Fedorovich Besspalov as a doctrinal basis for improving family legislation and law enforcement practice. *Social'no-yuridicheskaya tetrad' = Socio-legal Notebook*. 2021;(11):22-35. (In Russ.)
2. Tarusina N.N. Family: value and formal legal guidelines. *Demidovskij juridicheskij zhurnal = Demidovsky Law Journal*. 2023;13(3):364-381. (In Russ.)
3. Zykov S.V. The exercise of the right of paternity in modern Russia: law enforcement and legislative obstacles. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki = Right. Journal of the Higher School of Economics*. 2020;(3):44-71. (In Russ.)

4. Emelina L.A., Yavorskij S.A. Fathers without the right to fatherhood: family and legal mechanisms for balancing the interests of fathers and children. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(6):90-102. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-6-90-102>.
5. Reutov S.I. Legal issues of resolving disputes about the place of residence of children in case of separation of parents. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Bulletin of Perm University. Legal Sciences*. 2010;(2):142-148. (In Russ.)
6. Mamedova M.K. Specifics of the execution of court decisions in cases of determining the child's place of residence. *Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta = Law Bulletin of Dagestan State University*. 2012;(2):48-52. (In Russ.)
7. Dergunova V.A. Features of the application of the Declaration of the rights of the child by the courts in resolving disputes between parents about the place of residence of children. *Advokat = Lawyer*. 2016;(11):50-54. (In Russ.)
8. Nadin I.N. Problems of judicial proceedings in cases of divorce in the presence of disputes about children. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*. 2022;26(8):135-147. (In Russ.)
9. Vaske E.V., Safuanov F.S., Sekerazh T.N. Why does psychological and pedagogical expertise in disputes related to the upbringing of children not meet the needs of justice. *Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy = Theory and practice of forensic examination*. 2020;15(1):6-19. (In Russ.)
10. Bogdan V.V. Protection of traditional family values in the paradigm of transformation of family relations: balancing on the edge. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Tver State University. Series: Law*. 2024;(2):71-79. (In Russ.)
11. Zykov S.V. Parental rights to determine the child's place of residence and the order of communication with him: problems of theory and practice. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Current problems of Russian law*. 2022;17;(3):75-83. (In Russ.)
12. Danilenkov A. V. The age qualification of a child as one of the ways to unlawfully restrict the rights of fathers in the Russian Federation. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo = Family and housing law*. 2013;(2):10-15. (In Russ.)
13. Kuznecova O.V. Protection of fathers' rights under family law. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2015;(17):89-94. (In Russ.)
14. Kozlova N.A., Trofimova M.S. Legal problems of paternity protection in modern Russia. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo = Family and housing law*. 2021;(3):6-10. (In Russ.)
15. Sinel'nikov A.B., Dorohina O.V. What does the unlimited right to divorce lead to? *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sociologiya i politologiya = Bulletin of the Moscow University. Series 18: Sociology and Political Science*. 2015;(3):79-94. (In Russ.)
16. Zubenko V.M. On the right of a minor child to protection from unlawful separation from his mother: problems of legal understanding and law enforcement. *Pravo i sovremennye gosudarstva = Law and modern States*. 2017;(1):19-25. (In Russ.)
17. Ul'yanova M.V. The exercise of family rights and duties in the structure of family relations. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Bulletin of Perm University. Legal Sciences*. 2024;(63):112-133. (In Russ.)
18. Nechaeva A.M. Family law. Mopscow: Yurajt; 2020. 294 p. (In Russ.)
19. Ryzhenkov A.Ya. The principle of state protection of the family, motherhood, fatherhood and childhood: issues of theory and practice. *Nauchnyj vestnik Volgogradskogo filiala*

RANHiGS. Seriya: Yurisprudenciya = Scientific Bulletin of the Volgograd branch of the RANEPА. Series: Jurisprudence. 2019;5(2):10-16. (In Russ.)

20. Emelina L.A., Yavorskij S.A. Actual problems of protection of housing rights of minors. In: *Detstvo – territoriya bezopasnosti: sbornik materialov konferencii = Childhood is a security territory: collection of conference materials.* Moscow: Centr vynuždennyh pereselencev "Saratovskij istochnik"; 2023. P. 142-145. (In Russ.)

21. Nizhnik N.S., Burdanova N.A. Judicial disputes related to the exercise of personal non-property parental rights and duties in the Russian Federation. In: *Problemy grazhdanskogo prava i processa: sbornik nauchnyh statej = Problems of civil law and the process: collection of scientific articles.* Is. 5. Grodno: Grodnenskij gos. un-t im. Yanki Kupaly, 2020. P. 207-214. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Емелина Людмила Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики, Президентская академия, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: urconsul1@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-2005-6135

Яворский Сергей Анатольевич, юрист, ООО «ИТ АЛЪЯНС», г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: 491899@mail.ru,
ORCID: 0009-0009-2734-9708

Ludmila A. Emelina, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor of the Department of Legal Support of Market Economy, Presidential Academy, Moscow, Russian Federation,
e-mail: urconsul1@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-2005-6135

Sergey A. Yavorsky, Lawyer, Company LLC "IT ALLIANCE", Moscow, Russian Federation,
e-mail: 491899@mail.ru,
ORCID: 0009-0009-2734-9708